



**Matteo  
Pasquinelli**

# **The Eye of the Master**

**A Social History  
of Artificial  
Intelligence**

**Verso**

**Маттео  
Пасквинелли**

# **Измерять и навязывать**

**Социальная история  
искусственного  
интеллекта**

Перевод  
Ивана Напреенко

**Individuum, 2024**

УДК 004.8+101.1:316

ББК 16.6+87.6

П19

**Пасквинелли, Маттео.**

П19 Измерять и навязывать. Социальная история искусственного интеллекта / Маттео Пасквинелли; [пер. с англ. И. Напреенко]. — М.: Individuum, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-907696-44-0

Искусственный интеллект стремится «разгадать загадку разумности», ключ к которой лежит в тайной логике ума или глубинной физиологии мозга, — так принято считать. Философ науки Маттео Пасквинелли не согласен с этой теорией и строит собственную, которая основана на истории автоматизации труда, гонке за производительностью и желании общества постоянно оценивать человеческую жизнь. Проследившая историю ИИ — от первого прототипа калькулятора конца XVIII века до современных алгоритмов машинного обучения, распознавания изображений и слежения, — автор показывает, почему у ИИ нет шансов стать злонамеренным «сверхразумом».

УДК 004.8+101.1:316

ББК 16.6+87.6

Copyright © Matteo Pasquinelli, 2023

All rights reserved

The moral rights of the author have been asserted

© И. Напреенко, перевод с английского, 2024

ISBN 978-5-907696-44-0

© ООО «Индивидуум Принт», 2024

# Оглавление

Предисловие переводчика .....	7
Введение: ИИ как разделение труда .....	15
1. Материальные орудия алгоритмического мышления .....	45
<i>Часть 1. Индустриальная эпоха</i>	
2. Бэббидж и механизация умственного труда .....	83
3. Вопрос о машинах .....	115
4. Истоки общего интеллекта Маркса .....	138
5. Абстракция труда .....	173
<i>Часть 2. Информационный век</i>	
6. Самоорганизация кибернетического разума .....	189
7. Автоматизация распознавания образов .....	227
8. Хайек и эпистемология коннекционизма .....	254
9. Перцептрон .....	284
Заключение: автоматизация всеобщего интеллекта .....	327
Благодарности .....	349



## Предисловие переводчика

Книгу Маттео Пасквинелли, итальянского философа науки, можно отнести к критическим исследованиям искусственного интеллекта. Она четко очерчивает круг идейных противников автора в публичной сфере. Этот круг можно охарактеризовать двумя научно-популярными работами — на обе автор ссылается и обе переведены на русский. Это «Верховный алгоритм» Педро Домингеса и «Искусственный интеллект» Ника Бострома. По совпадению или нет, именно эти книги в 2016 году Билл Гейтс посоветовал прочитать желающим лучше понять, что такое ИИ, — дело было на одной из закрытых конференций Code, где «топовые инфлюэнсеры» из мира технологий и бизнеса обсуждают ближайшее будущее.

Книгу «Верховный алгоритм» Пасквинелли называет «примером корпоративной повестки». С первых же страниц Домингес берет читателя под ручку, используя узнаваемый тон, свойственный продавцам мечты: «Машинное обучение открывает новую главу в долгой, растянувшейся на миллион лет эволюционной саге: с его помощью мир сам почувствует, чего вы хотите, и сам под вас подстроится. Не надо даже волшебной палочки: окружающий вас мир — сегодня виртуальный, а завтра физический — станет похож на волшебный лес»\*. «Искусственный

---

\* Домингос П. Верховный алгоритм: как машинное обучение изменит наш мир. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. С. 17.

интеллект» — другая история. Волшебный лес Бострома сулит не исполнение (даже невысказанных) желаний, а мрачный финал, где «машинный сверхразум» изведет «всю Землю, а потом и обо-зримую Вселенную»\* на канцелярские скрепки.

Эти две работы воплощают тот взгляд, который Пасквинелли совершенно претит, — технологический детерминизм, предполагающий, что развитие техники определяет судьбу общества в однонаправленной истории все более совершенных достижений. На одном полюсе находится утопия блаженства, на другом — классический монстр, который губит незадачливого Франкенштейна. Общий знаменатель — это мистификация ИИ. Приписывая объекту таинственную самостоятельность, замороженный наблюдатель проецирует на него свои страхи и надежды.

Если в искусственном интеллекте и есть тайна, то ее механизм раскрыт еще Людвигом Фейербахом: немецкий материалист полагал, что человечество проецирует на высшее существо, Бога, свои лучшие качества и способности, отчуждая их от самих себя. Схожим образом человечество не опознает в ИИ собственные силы, знания и — на чем делает особый акцент Пасквинелли — труд и его разделение. Расплетая цепочки уравнений, скрытые в черном ящике искусственного интеллекта, философ демонстрирует их проблематичность. Так, например, разумность машины в первых нейронных сетях 1950-х годов была приравнена к задаче классификации изображений, что довольно далеко от моделирования мозга и когнитивных процессов, которым занимались, по собственным утверждениям, отцы-основатели современной технологической реализации ИИ. В результате таких уравнений за проявления «сверхразума» предлагается принимать игру статистических корреляций внутри колоссальных объемов данных, запущенную за счет

---

\* Бостром Н. Искусственный интеллект: этапы, угрозы, стратегии. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. С. 197.

применения психометрических методов к анализу визуальной информации.

Оптический элемент в социальной истории ИИ для автора книги особенно важен. Название оригинала (*Eye of the Master*) отсылает к выражению Энгельса, которое в отечественной переводческой традиции передают как «хозяйский глаз». Немецкий философ описывал этой метафорой контроль мастеров над рабочими, усилившийся с внедрением промышленных машин и достигший пика в фордизме. Также оно широко употреблялось на фабриках и заводах XIX века. Пасквинелли трактует словосочетание расширенно — как «индустриалистскую перспективу», согласно которой развитие средств производства трансформирует трудовые отношения и которую автор диалектически переворачивает.

Выбранное для перевода название — «Измерять и навязывать», — помимо уместной отсылки к работе Фуко, акцентирует предикаты ИИ, которые связаны с измерением и координацией рабочих процессов. Соответствующие задачи стали необычайно значимы для хозяев производств еще на заре промышленного капитализма в связи с масштабной трансформацией разделения труда. Но ИИ, в чем уверен Пасквинелли, древнее первых станков и уж тем более ЭВМ. Его корни уходят в известную человечеству на протяжении тысячелетий культурную технику алгоритмизации социальных, в первую очередь трудовых, практик. Иными словами, ИИ — это не только и не столько технологический артефакт, не «искусственный интеллект», а созидательная деятельность, захваченная и перестроенная технонаукой. Несколько утрируя мысль автора, можно предположить, что отношения между интеллектом и ИИ отражают образ двух рук, рисующих друг друга. Представим, что его анимировали и обнаружилось, что загадки предшествования здесь нет. Одну руку видно сразу, другая же, поначалу нечеткая, обретает объем и начинает все сильнее искажать ту, которая ее рисует.

Проблематичность стоящих за ИИ уравнений, о которой я упомянул, имеет и переводческое измерение. В отечественной традиции предложенное в 1957 году Джоном Маккарти выражение *artificial intelligence* принято передавать как «искусственный интеллект», хотя в СССР это выражение стало применяться к научным разработкам и исследованиям позднее, уже в 1970-е (я еще расскажу, почему). Насколько верна эта привычка, если русскому слову «интеллект» в английском соответствует, собственно, *intellect*? Понятие *intellect* предполагает способность мыслить и понимать, тогда как *intelligence* относится к применению этой способности на практике, например в форме получения и использования знаний и навыков. Соответственно, эта практическая форма и может быть описана через набор инструкций, то есть алгоритмизирована.

Пасквинелли приводит еще один интересный пример, который помогает понять, в какую цепочку уравнений вписан термин *intelligence*. В конце 1920-х годов, развивая теорию информации на основе выработанных внутри телеграфного дела техник, инженер Ральф Хартли предложил отказаться от выражения *act of intelligence*\* — оно использовалось для описания работы операторов с принимаемым сигналом. Хартли указывал, что этот термин, обозначающий «интерпретацию сигнала», слишком психологичен и антропоцентричен, поскольку никакой интерпретации, то есть придания смысла сообщению, от оператора не ждут. От него требуется лишь декодировать сигнал, «определить последствия выбора в пользу одного символа при отказе от другого символа»\*\*. Смещение в пользу механистического понимания умственной деятельности также объясняет, почему слово *intelligence* в дальнейшем вошло в обозначение секретных

---

\* Букв. перевод «интеллектуальный акт».

\*\* Geoghegan B. D. *Information* // *Digital Keywords: A Vocabulary of Information Society and Culture*. Benjamin Peters (ed.). Princeton: Princeton University Press, 2016. P. 177.

служб Великобритании (Secret Intelligence Service) и США (Central Intelligence Agency). Подобные содержательные сдвиги вокруг и внутри понятия *intelligence*, которые не улавливаются понятием «разум» в русском языке, нашли выражение в проекте ИИ.

Рассматривая генеалогию ИИ, Пасквинелли сосредоточился на англо-американской линии проекта. Обогадить социально-историческую перспективу и общее понимание читателю поможет обращение к советскому опыту в этой области.

Расскажу об эпизоде из собственной биографии: в конце XX — начале XXI века мой отец работал в Российском НИИ Искусственного интеллекта. Согласно информации на все еще живом официальном сайте, эта организация была создана в 1991 году «Государственным Комитетом РСФСР по делам науки и высшей школы... на базе Государственной научной фирмы “Интеллектуальные технологии”, образованной научным коллективом, сформировавшимся в Сибирском Отделении АН»\*. Это место работы регулярно ускользало из моей подростковой памяти, поэтому я нередко переспрашивал отца и всякий раз удивлялся ответу. Романтичное словосочетание «искусственный интеллект» плохо сочеталось с бесконечными таблицами Excel, которые я видел на экране отцовского компьютера. Я спрашивал отца, что он считает, и слышал в ответ — математические модели экономики для неполных данных. Причем здесь искусственный интеллект, думал я?

Полудетское удивление внезапно схватывает своеобразие советского проекта: кибернетика, а затем «искусственный интеллект» в СССР развивались как управленческая парадигма, призванная в первую очередь решать задачи плановой экономики, которая сталкивалась с нехваткой необходимых показателей. Вокруг термина «искусственный интеллект» — самой возможности машины мыслить — велись оживленные дискуссии в научных

---

\* <https://www.artint.ru/>

кругах в 1950-х и начале 1960-х годов, и лишь позднее он был аккомодирован в исследованиях и разработках. В 1968 году философ Эдвард Ильенков доказывал, что машинное мышление принципиально невозможно и, более того, разговоры об этом уводят от сути вопроса. «Проблема “Человек — Машина”, если покопаться в ней чуть поглубже, оказывается на поверку проблемой отношения Человека к Человеку, или, как выразился бы философ старой закалки, проблемой отношения Человека к самому себе, хотя отношения и не прямого, а “опосредствованного” через Машину», — это утверждение советского марксиста очень близко к тому, что говорит Пасквинелли\*. Последние исследования показывают, что на институциональную и культурную форму ИИ в СССР повлияло как нежелание признавать за машиной способность мыслить, так и общая ориентация на «ситуационное управление», за счет чего центральную проблему искусственного интеллекта начали понимать как контроль в комплексных системах (например, производстве и логистике)\*\*. Но и на Западе, как утверждает автор этой книги, развитие ИИ стало продолжением «революции контроля», определившей рост информационных технологий в современном мире.

Главы книги Пасквинелли можно читать не последовательно: они похожи на отдельные исследовательские семинары, связанные общей перспективой и сквозными примерами. Сложный материал комбинируется с многообразием сюжетов, что требует от читателя внимания и концентрации. Однако усилия вознаграждаются. Конечно, реконструированный ИИ предстает величественным и пугающим средоточием всеобъемлющей парадигмы «глаза Хозяина», эдаким гиперобъектом (если воспользоваться термином Тимоти Моргана), который подчиняет человеческий

---

\* См.: Ильенков Э. Об идолах и идеалах. М.: Политиздат, 1968. С. 32

\*\* Kirtchik O. The Soviet scientific programme on AI: if a machine cannot ‘think’, can it ‘control’?// *VJHS Themes*, 2023. P. 8, 111–125.

опыт алгоритмической логики квантификации, эффективности и оптимизации. Но вместе с тем интеллектуальное путешествие, предпринятое итальянским философом, оказывает духоподъемное и освобождающее воздействие. Лишая мистической автономности «верховный алгоритм», книга не приносит готовых рецептов того, как его расплести, но по меньшей мере определяет направление движения: вопрос о власти машин над человечеством есть вопрос политический, и ответ на него в конечном счете лежит в сфере отношений между людьми.

Иван Напреенко,  
*социолог, редактор журнала «Социология власти»  
и сайта о книгах и чтении «Горький»  
Февраль 2024*



## Введение: ИИ как разделение труда

*Частичное искусство отдельного машинного рабочего, подвергшегося опустошению, исчезает как ничтожная и не имеющая никакого значения деталь перед наукой, перед колоссальными силами природы и перед общественным массовым трудом, воплощенными в системе машин и создающими вместе с последней власть «хозяина»\*.*

Карл Маркс, «Капитал», 1867 г.

*Все люди являются интеллектуалами... Это означает, что если можно говорить об интеллигентах, то нельзя говорить о неинтеллектуалах, ибо неинтеллектуалов не существует. <...> Нет такой человеческой деятельности, из которой можно было бы исключить всякое интеллектуальное вмешательство, нельзя отделить homo faber от homo sapiens\*\*.*

Антонио Грамши, «Тюремные тетради», 1932 г.\*\*

---

\* Маркс К. Капитал. Т. I. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. С. 429. Маркс также отмечает: «Позже мы увидим, что «хозяева» начинают петь совсем по-другому, когда им угрожает потеря их «живых» автоматов» (см.: Там же). — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. автора.*

\*\* Грамши А. Тюремные тетради. Ч. I. С. 343. М.: Издательство политической литературы, 1991.

\*\*\* Перевод скорректирован: итальянский термин gli intellettuali соответствует русскому слову «интеллектуалы» (в англоязычной традиции его передают как

В XX веке мало кому пришло бы в голову считать водителя грузовика работником умственного труда, иначе говоря, интеллектуалом. Однако в начале XXI века внедрение искусственного интеллекта (ИИ)\* в беспилотные транспортные средства и другие артефакты побудило иначе взглянуть на ручные навыки, в частности, на вождение, и обнаружить, что самое ценное в труде никогда не сводилось к ручному компоненту, а включало в себя когнитивные и кооперативные аспекты. Нужно признать, что благодаря исследованиям ИИ водители грузовиков прикнули к интеллектуалам\*\*. В этом есть парадокс и вместе с тем горькое политическое откровение: понадобилось усерднейшим образом развивать автоматизацию, чтобы увидеть, насколько глубоко «интеллектуальные способности» проявлены в занятиях и работах, которые традиционно считались сугубо ручными и неквалифицированными, — настолько, что ими пренебрегали

---

intellectuals). Однако в советской традиции перевода, ведущей отсчет с 1950-х гг., устоялся вариант «интеллигент», который в силу конкретно-исторических коннотаций сужает понятие Грамши. При этом философ, безусловно, был прекрасно знаком с ролью, которая приписывалась интеллигенции в российской революционной традиции, и в размышлениях об особой социальной роли интеллектуалов отталкивался в том числе от этого. — *Прим. пер.*

\* В России сложилась традиция переводить словосочетание artificial intelligence как «искусственный интеллект». «Интеллект» в русском языке соотносится с английским intellect, под которым подразумевается способность понимать и объяснять (ср. «разум»), однако у intelligence прямого аналога в русском нет, это слово означает способность получать и применять на практике знания и навыки (ср. «разумность»). В случаях употребления слова intelligence с определениями я буду следовать сложившейся традиции перевода. В случаях обособленного словоупотребления intelligence, помимо вариантов «интеллект» и «интеллектуальные способности», я буду также использовать слово «разумность», делая акцент на наблюдаемом комплексе качеств, которые указывают на их глубинный источник (собственно, разум) в случае с живыми существами. — *Прим. пер.*

\*\* Согласно Грамши, чья цитата открывает книгу, все люди могут считаться интеллектуалами в том смысле, что не существует труда, в котором отсутствует хотя бы «минимум созидательной интеллектуальной деятельности». Однако, как тут же поясняет философ, «не все люди выполняют в обществе функции интеллектуалов (так, о том, кто жарит себе яичницу или пришивает заплату на куртку, не скажут, что он является поваром или портным)» (см.: Там же). — *Прим. пер.*

и профсоюзы, и критическая теория. В нынешнюю цифровую эпоху лишь немногие социологи, например Ричард Сеннет, взяли на себя труд утверждать, что «делать значит думать». Этот же тезис истории науки Лисса Роберт и Саймон Шаффер выразили в изящном образе «разумной руки», которая и в ренессансной мастерской, и в индустриальную эпоху не сводилась к мышечной силе, направляя проектирование, изобретательство и научные прорывы\*. Отрицание разумности ручного труда и общественной деятельности, наблюдаемое нами сегодня, по-видимому, представляет собой симптом избыточного роста цифровой сферы и дематериализацию человеческой деятельности, которые нагнетают вокруг ИИ ауру таинственности.

Что такое ИИ? Согласно господствующей точке зрения речь идет о попытке «разгадать загадку разумности» [intelligence]. Ключ якобы лежит в тайной логике ума [mind] или в глубинной физиологии мозга, например в сложных нейронных сетях. В этой книге я утверждаю обратное: внутренний код ИИ заключается в имитации не биологического разума, а *разумности труда и общественных отношений*. Сегодня представляется очевидным, что ИИ — проект, направленный на сбор знаний, выраженных в индивидуальном и коллективном поведении, и их перекодирование в алгоритмические модели с целью автоматизации самых разных задач — от распознавания паттернов\*\*

\* Сеннет Р. Мастер. М.: Strelka Press, 2018; Roberts L. and Schaffer S. (eds). The Mindful Hand: Inquiry and Invention from the Late Renaissance to Early Industrialisation. Chicago: University of Chicago Press, 2007. О роли физического прикосновения в цифровую эпоху см.: Ladewig R. and Schmidgen H. (eds). Body and Society 28. Nos. 1–2. Special issue. Symmetries of Touch: Reconsidering Tactility in the Age of Ubiquitous Computing (2012).

\*\* В случаях, когда речь идет о распознавании сугубо визуальных данных, которое исторически предшествует экстраполяции метода на невизуальную информацию, я использую устоявшийся перевод «распознавание образов». В других случаях, когда речь идет о расширенном применении метода, — «распознавание паттернов». — *Прим. пер.*

и манипулирования объектами до перевода с языка на язык и принятия решений. Как это бывает с типичными эффектами идеологии, «ключ» к загадке лежит на самом видном месте, но никто его не замечает — да и не хочет замечать.

Вернемся к беспилотным автомобилям. Какую работу выполняет водитель? И в какой степени ИИ способен эту деятельность автоматизировать? Беспилотное транспортное средство призвано имитировать — с высокой долей приближения и в условиях значительной неопределенности — все микрорешения, которые принимает водитель на оживленной дороге\*. Искусственные нейронные сети «учатся» корреляциям между визуальным восприятием среды и механическим контролем транспортного средства (рулевое управление, ускорение, торможение), а также этическим решениям, которые в случае опасности необходимо принять за несколько миллисекунд. Вождение требует высоких когнитивных навыков, которые нельзя заменить импровизацией, и умения быстро решать задачи. Навыки вырабатываются только привычкой и тренировками — процессами, которые нельзя назвать полностью осознанными. Вождение остается, по существу, социальной и кооперативной деятельностью, регулирующейся кодифицированными правилами (включая правовые ограничения) и спонтанными элементами, к которым относится неявный культурный код — в каждой местности он свой. Считается, что закодировать такую сложную деятельность непросто, и даже бизнесмен Илон Маск признал (после не столь уж и малочисленных аварий автомобилей Tesla со смертельным исходом), что «обобщенное беспилотное вождение — это

---

\* В начале 1960-х годов Романо Альквати определил информацию как новаторские микрорешения, которые принимают работники в процессе производства (см. главу 5 этой книги). См. также: Pasquinelli M. Italian Operaismo and the Information Machine // *Theory, Culture and Society* 32, no. 3 (2015): 49–68; Sprenger F. *Microdecisions and Autonomy in Self-Driving Cars: Virtual Probabilities* // *AI and Society* (2020): 1–16.

трудная проблема»\*. Как бы то ни было, все сложности, с которыми столкнулся промышленный проект беспилотных транспортных средств, ясно показали, что задача вождения не сугубо «механическая». И если навык вождения можно перевести в алгоритмическую модель, то лишь потому, что это логическая деятельность, поскольку в конечном счете *всякий труд логичен*\*\*.

В каких же тогда отношениях состоят труд, логические правила и автоматизация, которая представляет собой не что иное, как изобретение новых машин? Здесь все запутано, в этом и заключается главная проблема ИИ, которой посвящена моя книга. Предлагаемый взгляд на ИИ вовсе не нов. Историк науки Лоррейн Дастон, например, уже рассматривала эту проблему на примере великих счетных проектов эпохи Просвещения, которые предшествовали автоматическим вычислениям\*\*\*. В конце XVIII века для создания длинных логарифмических таблиц, необходимых для модернизации революционной Франции, математику Гаспару де Прони пришла в голову идея применить промышленное разделение труда (канонизированное Адамом Смитом в «Исследовании о природе и причинах богатства народов») в ручных расчетах\*\*\*\*. С этой целью Прони создал *социальный алгоритм* — иерархическую организацию, состоявшую из трех групп служащих, которые делили нагрузку; каждый брал на себя часть больших расчетов, а затем они вместе собирали

---

\* Hawkins A. J. Elon Musk Just Now Realizing That Self-Driving Cars Are a «Hard Problem» // theverge.com. 5 July 2021.

\*\* См. также: A Manifesto // Logic Magazine. Issue 1. March 2017.

\*\*\* В английском языке слова calculation и computation в целом взаимозаменяемы, однако в контексте ИИ их следует разводить, как это делает автор. В первом случае речь идет об арифметических операциях, во втором — об алгоритмических. Слово calculation и родственные термины, например calculus, я передаю через слова с корнем «счет», а также вариантами «исчисление», «счисление»; в случае с computation использую производные от слова «вычисление» (см. советский вариант перевода computer как «вычислительной машины»). — Прим. пер.

\*\*\*\* Daston L. Calculation and the Division of Labor, 1750–1950 // Bulletin of the German Historical Institute 62 (Spring 2018): 13.

окончательный результат. Несколько лет спустя в промышленной Англии Чарльз Бэббидж использовал интуицию разделения труда в качестве внутреннего принципа разностной машины, создав таким образом первый прототип современного компьютера. Что важно, Бэббидж понял: разделение труда может не только служить принципом для проектирования машин, но и применяться для вычисления затрат на производство (с тех пор этот метод известен как «принцип Бэббиджа»).

В индустриальную эпоху надзор за разделением труда входил в задачи фабричного мастера\*. Хозяйский глаз\*\* долго контролировал и дисциплинировал рабочих в мастерских, лагерях и на плантациях, составлял планы сборочных линий и планировал смены каторжного труда. Еще до изобретения промышленных машин мастерские-потогонки в городах и колониальных поместьях «механизировались» с точки зрения телесной дисциплины и режима визуальности\*\*\*. Как показал философ Мишель Фуко, введение дисциплинарных техник, основанных на сегментации времени, пространства и отношений, подготовило почву

\* Фридрих Энгельс оспаривал тезис о «хозяйском глазе» и утверждал, что внутри крупных предприятий и инфраструктур того времени, например железнодорожных компаний, рабочие обладали широким представлением о производственном процессе: «Экономическое развитие нашего современного общества все более и более ведет к концентрации, к обобществлению производства в огромных предприятиях, которыми уже не могут более руководить отдельные капиталисты. Всякий вздор о «хозяйском глазе» и о создаваемых им чудесах превращается в явную бессмыслицу, как только предприятие достигает определенных размеров. Представьте себе «хозяйский глаз» на Лондонской и Северо-Западной железных дорогах! Но то, чего хозяин сделать не может, то рабочие, наемные служащие компании, с успехом могут делать и делают. Итак, капиталист уж больше не может предьявлять права на свою прибыль как на «заработную плату за руководство», так как он ничем не руководит». Цит. по: Энгельс Ф. *Общественные классы. Необходимые и излишние* // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е, Т. 19. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. С. 299.

\*\* В оригинале книга М. Пасквинелли называется *The Eye of the Master*. — *Прим. ред.*

\*\*\* О режиме видимости на рабовладельческих плантациях см.: Mirzoeff N. *The Right to Look: A Counterhistory of Visuality*. Durham, NC: Duke University Press, 2011.